

ЗАМЕТКИ БИБЛИОФИЛА

77424

*Посвящаю жене,
книжной пыли не боящейся*

Отпечатано в количестве 200 экземпляров, из
коих в продажу поступают 50 экз. Экземпляры I—X
отпечатаны на лучшей бумаге и имеют 16 допол-
нительных таблиц.

Этот экземпляр носит №

Ю. Генс

ЗАМЕТКИ БИБЛИОФИЛА

I

48

77424

ТАРТУ 1932

4892

i22337015

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Предисловие	XI
I. Библиофил — Дон-Жуан	13
II. История библейская	23
III. Дядя Тимм	27
IV. Прогулки по библиотекам	31
V. Карл Маркс	43
Перечень иллюстраций	47

Одной из особенностей собирательства является присущая каждому коллекционеру потребность делиться впечатлениями, будь то в устной или в письменной форме: это необходимо ему для чувства полного удовлетворения.

Осенью 1931 года автор предполагал погостить у своего приятеля-библиофила. Поездка не состоялась, а последовавшее за этим письмо облеклось в форму настоящих записок.

Мысль о том, что рассеянные в неизвестности друзья книг повторно переживут свои собственные впечатления и примут участие в моих радостях, — да послужит оправданием выхода в свет этих заметок!

Для иллюстрации книги автор использовал клише предыдущих изданий. Обстоятельства не позволяют, к сожалению, издать книгу так, как хотелось бы.

Друзьям, оказавшим помощь при корректуре, а также издателю журнала „Olion“ — за предоставленные клише, автор выражает свою искреннюю признательность.

Библиофил — Дон-Жуан.

Осенью 1919 года, в одно из очередных посещения Ревеля, зашел я как-то в отдел искусств при Мин. Нар. Просв. Здесь в канцелярии внимание мое привлекли два ряда книг, разложенных на полу. При беглом осмотре бросились в глаза: полный комплект журнала „Старые Годы“ — весь в оттисках, что крайне редко, так как печатались оттиски в количестве минимальном, по особому заказу; комплект шереметьевских изданий, тираж которых также был ограничен двумястами экземпляров; альбомы к народным картинкам Ровинского; несколько альбомов и картонов с эскизами и карикатурами, которые впоследствии, при более близком ознакомлении, оказались отчасти собранием карикатур Льва Вакселя, описанным в ноябрьском номере журнала „Столица и Усадьба“ 1916 года, отчасти же коллекцией рисунков и эскизов, собранных председателем Академии Художеств П. Вакселем во время заседаний по пятницам и описанных в том же журнале за 1915 г., № 42, где многие из рисунков

и воспроизведены. Здесь же находилась коллекция книжных знаков, размещённая в алфавитном порядке в ряде картонов. Мне сообщили, что собрание это приобретено у некоего Юргенсона-Вакселя, и тут же меня с ним познакомили. Бросалась в глаза и поражала необычайной структуры голова: над не особенно выразительными глазами поднимался огромный лоб; постепенно суживаясь кверху, он занимал чуть ли не три четверти всего лица. Впоследствии из беседы в канцелярии я узнал следующую подробность о коллекции. При отступлении белых от Петербурга, в составе одного из поездов, прибывших в Ревель, оказался товарный вагон, набитый ящиками книг. Восседал на них сам владелец, — Эрнест Петрович Юргенсон-Ваксель.

Прошло некоторое время. Проходя как-то мимо книжного магазина Крюгера по главной улице нашего города, я заметил среди выставленных в окне книг „Русские иллюстрированные издания“ Обольянинова и решил приобрести книгу на обратном пути. Но через несколько часов, когда я снова подошел к магазину, меня встретили пустые окна. Владелец его рассказал мне, что, незадолго до меня, зашел к нему какой-то довольно странный молодой человек — и попросил вынуть все книги из витрины (выставка случайно была исключительно из русских изданий), — он, мол, их покупает. Тут же, увидев на прилавке каталог книг по искусству издательства Зеeman в Лейпциге, он просмотрел его и заказал для себя весь каталог. Фамилия покупателя — Юргенсон. Мне тогда не пришла в голову мысль о тождественности нежданного покупателя с моим новым знакомым из Ревеля. Через несколько дней

меня на улице узнал и остановил Юргенсон, и с этой встречи началось у нас что-то вроде „книжной дружбы“.

Юргенсон посетил меня, осмотрел мою тогда еще сравнительно небольшую библиотеку (я проживал в Тарту меньше года) и сразу же спросил меня, не соглашусь ли я продать свои книги: он заплатил бы такую-то сумму. Сумма была изрядная, но я отказался. У приятеля моего Т., тоже большого любителя книг, Юргенсон оказался счастливее: за те же деньги стал владельцем его библиотеки. После этого началось бестолковое приобретение книг, причем покупки эти носили зачастую какой-то запойный характер. Через короткое время комнаты библиофила были переполнены книгами. Неудивительно, что крупная сумма, полученная Юргенсоном за часть проданных книг, разошлась довольно скоро. Проходя однажды мимо другого книжного магазина, я заметил в окне ряд русских книг, среди них довольно ценное и редкое издание Деньшина: „Вятская глиняная игрушка в рисунках“, и купил его за бесценок. За это издание незадолго до того я предлагал своему приятелю Т. довольно крупную сумму. Тотчас же сообщил ему об удачной покупке. Возволнованный, прибежал он ко мне, узнал свой экземпляр Деньшина, а потом, в магазине, и остальные свои книги. Денег от Юргенсона он еще не получил, а Юргенсон, нуждаясь в средствах, начал распродавать свои книги и продавал их так же бестолково, как и покупал.

Книг своих Юргенсон не читал, но, пользуясь помещенными в книгах ссылками на источники, начал эти названия выписывать на отдельных кар-

точках. Таких карточек он сразу купил несколько тысяч. Через некоторое время принял на службу двух секретарш, которые продолжали эту работу. Карточки заполнялись бессистемно: иногда по имени автора, иногда по названию книги. Эти тысячи карточек должны были создать библиографию по искусству, но никогда даже не были рассортированы владельцем. Любил он также ранним утром, или под вечер, рассылать друзьям своим через посыльных приветственные „свои собственные“ стихи, воспевая в них благородные качества и таланты знакомых.

В то же время начинаются увлекательные похождения книголюба, переплетенные с „любовными авантюрами“.

За время пребывания в Юрьеве Юргенсон успел всем пустить пыль в глаза. Посещавшим его он показывал альбом с фотографиями бывшего своего особняка, где он был снят в дворцовой обстановке, среди своих книг и собраний. Показывал автографы известных лиц, напр. вел. кн. Николая Михайловича с надписью „моему дорогому сотруднику...“ и т. д. Демонстрировал документы на право владения замком Гедимины в Литве; приглашал всех гостить во Флоренцию, где у него будто бы собственное палаццо, причем рассказы его носили характер правдоподобности. Юргенсон рекомендовал себя, как приемного сына тайн. сов. Вакселя, известного собирателя и мецената искусств в С.-Петербурге. Показывал упомянутые выше номера журнала „Столица и Усадьба“, где описывались его коллекции автографов и рисунков, где он был снят в окружении своего собрания. Его коллекция

русских книжных знаков, находящаяся теперь в университетской библиотеке Тарту, украшала в свое время петербургскую выставку экслибрисов.

Похождения Юргенсона в Тарту отличались разнообразием: были невинные, но были и такие, где кое-кто пострадал...

В ту зиму читал я в художеств. школе общества „Паллас“ лекции по истории искусств. Не давали Юргенсону покоя мои „лавры“, появилась ли страсть соревнования, — не знаю, но как-то попросил он у меня разрешения прочитать ряд лекций. Первая из них была на тему „Бокаччо“. Читал он по листкам, выразительно и увлекательно. Имел успех. Меня удивило только то, что часть листков была написана от руки, часть — напечатана и наклеена на бумагу. Ю. объяснил мне, что доклад этот был им когда-то напечатан, но у него сохранился единственный экземпляр, почему и пришлось половину статьи переписывать. Вторая лекция была посвящена мечети Айя София в Константинополе. Для иллюстрации читаемого Юргенсон раздавал листки со снимками мечети, напомиравшими бумагу и тип изданий „Старых Годов“. Совпадение объяснялось очень просто: эту статью в „Старые Годы“ поместил Юргенсон, только подписал её своим псевдонимом „Окунев“. После лекции он подарил мне снимки. Потому ли, или по другим причинам я смолчал. Через некоторое время Юргенсон спросил меня, не буду ли я возражать, если очередной доклад он посвятит теме, уже мною трактованной, а именно венецианской живописи. Я согласился, заметив, что считаю такого рода параллельные чтения очень полезными для слушателей. Начался этот

третий доклад с торжественного заявления Ю., что свою „лекцию“ он посвящает сениору эстонских писателей Т., и что с соответствующей надписью перевод доклада появится в эстонской периодической печати. Уже первые фразы лекции показались мне очень знакомыми: подготавливаясь к своим докладам, я постоянно просматривал имеющуюся у меня литературу по данному вопросу. Свое подозрение я сообщил сидевшему рядом, вышеупомянутому писателю Т. . . Придя домой, я взял том Хлендовского „Италия эпохи Рококо“, открыл главу „Венецианская живопись“ и нашел слово в слово доклад Юргенсона. Затем открыл наугад труд Веселовского „Бокаччо и его сверстники“, — нашел и первый доклад. Второй доклад был бесспорно Окунева, но поскольку имя это было псевдонимом Ю., оставляю на его совести. „Венецианской живописью“ закончился лекторский период Юргенсона.

Приблизительно в это время палец Юргенсона украсился перстнем с бриллиантовым вензелем Николая II. Перстень этот, по его словам, получил он от последнего царя, но не любил постоянно носить его: он слишком бросается в глаза. Появились опять откуда-то деньги, начались новые покупки книг. Узнал Юргенсон тогда же, что в городе имеется очень ценная библиотека доцента Б., скончавшегося незадолго до того в России. Вдова Б. крайне неохотно соглашалась на продажу библиотеки, запрашивала к тому же большие деньги, которых у Юргенсона не было. Ходил он как помешанный: библиотека не выходила из головы. Привозил из Ревеля каких-то таинственных покупателей. Был он в это время весьма неаппетитный,

весь покрыт экземой, даже дома ходил в перчатках. Как-то вечером на главной нашей улице встречаю школьного приятеля П. Тот остановил меня и говорит: „если желаешь присутствовать на интересной свадьбе, иди немедленно в собор. Там сейчас венчают Юргенсона с вдовой Б.“ Не видя других возможностей приобрести книги Б., Юргенсон стал преследовать владелицу их вдруг запылавшей к ней любовью. Вдова советовалась со знакомыми, ее предостерегали, но против страстной любви она в конце концов не устояла и — сдалась. После венчания молодые пошли по домам, каждый к себе. Продолжали жить как и раньше. Библиотека тоже не успела еще переехать к любящему супругу, как появились новые слухи, будто нашим приятелем заинтересовалось сыскное отделение. Выяснилась следующая подробность: знаменитый перстень принадлежал одной немолодой уже даме, на квартире у которой жил Юргенсон. Продажа замка Гедмина консорциуму французов — их письма демонстрировались — затягивалась, деньги были нужны, и Юргенсон начал преспокойно продавать вещи этой дамы: сперва ковры, затем изделия из благородных металлов, наконец и перстень. Начались трения и недоразумения с хозяйкой, и не нашел он и тут другого выхода, как брак. И возил он несчастную женщину на пароконных в загородный ресторан Квистенталь; там в уютном кабинете на коленях из'яснялся в любви, просил руки. Это — по рассказам пострадавшей. Об'яснения в любви, внезапная страсть Юргенсона очевидно смутили даму в летах, и вопрос о продаже чужого имущества временно был снят с очереди. Бесцеремон-

ность нашего героя дошла до того, что у соседа своего, художника Г., лежавшего несколько недель больным, он взял все костюмы и книги и продал татарину. Пришлось срочно доставать брюки выздоровевшему художнику. С именем художника Г. связана небольшая, но занимательная история. Прекрасный рисовальщик, Г., найдя случайно лист бумаги 17 века, нарисовал голову старика, подражая не только типам А. Дюрера, но и манере последнего; снабдил лист известной монограммой А. Д., прибавил год, завернул тщательно в папирозную бумагу, потом в кусок шелка и т. д. и успел смутить этим рисунком не мало „знатоков“. При тщательном рассмотрении однако работа стальным пером выдавала подделку. Этот рисунок, при ближайшем участии Юрг., во время болезни Г. также пропал. Спустя короткое время, начали рассказывать, что какому-то финскому коллекционеру удалось в Юрьеве купить рисунок Дюрера, упоминалась также уплаченная им довольно крупная сумма. Прошло много лет. Как-то по телефону я был приглашен к одной даме осмотреть ряд картин и гравюру Дюрера, с просьбой оценить её стоимость. Дама оказалась приезжей из Финляндии. Она привезла остатки коллекции мужа в Юрьев и хотела обратить их в наличные деньги. После осмотра картин, дама вынула из комода сверток, завернутый в шелковую материю, начала разворачивать сложную упаковку и, наконец, продемонстрировала рисунок Г. Поверила ли она моей экспертизе, не знаю; возможно, „Дюрер“ украшает сейчас другую коллекцию. На этом с Юргенсоном можно и покончить. Он про-

пал также внезапно, как и явился. В один прекрасный день его не стало. Только масса книг, появившихся в книжных магазинах со столь известным уже всем собирателям росчерком „Эрнст“, напоминали о его пребывании у нас. Утешились ли покинутые им любимые женщины, не знаю.

История библейская.

В 1919 году действовала в нашем городе „Комиссия по охране предметов искусства“. Все более или менее ценное увозилось в особые склады. Среди книг одной библиотеки, принятой на хранение, находилась немецкая библия — инкунабул, так наз. девятая, считая от первой, напечатанной Гутенбергом. Гравюры на дереве были раскрашены, сохранность — хорошая. Библию впоследствии вернули ее владельцу, но в одном из уголков архива моей памяти твердо засела мысль: „Memento libri“. Годами я следил за графом, владельцем книги, всеми мерами старался не терять с ним связи. Время шло. Предложений ему не делал, но как-то раз, по прошествии чуть ли не десятка лет, услышав, что он усиленно начал ликвидировать свои вещи, намекнул в разговоре, что полюбил его библию.

Прошел еще год. Однажды граф пришел ко мне и заявил, что он решил библию продать, и что я могу приобрести ее, — деньги ему срочно нужны. Я тут же бросился доставать требуемую сумму,

от волнения эту ночь уже не спал. Проходили месяцы. Деньги мои были у графа, библия тоже, но меня вполне удовлетворяло сознание, что библия моя: я был счастлив. Иногда встречал графа, любезно с ним здоровался, разговоров о библии деликатно избегал. Ведь собственник — я! Правда, вспоминал иногда, что право собственности переходит вместе с владением, но мысль эта меня мало беспокоила. Видел библию у себя на полке, даже место для нее облюбовал. Зимой 1929 года по городу стали ходить слухи про какую-то библиотеку, назначенную к продаже, между прочим и про какую-то библию. Слухи дразнили, особенно когда стали связывать библиотеку с бывшим имением графа. Ждал терпеливо, чувствовал: мимо не пройдет. Боялся конкуренции только М., единственного антиквара в нашем городе. Прихожу раз в университетскую библиотеку, захожу в кабинет директора, — и сердце екнуло, — лежит она, моя библия, на письменном столе. Хотя десять лет не видал, но сразу узнал ее, милую. Сильно взволнованный, заявил о своем праве на нее. Директор в это время ходил к ректору за разрешением на покупку библии, сравнительно высокая цена коей не была предусмотрена. Разрешение на приобретение было дано, но мое заявление охладило пыл. Решили ждать продавца. Последний скоро явился и оказался бывшим управляющим графа. Он вынул из бумажника записку, туманно подтверждающую и его право собственности на книгу. Граф был далек! Пока получится его ответ, библия будет продана. Если судиться, — управляющий вероятно получит библию, а я только право

иска к графу о возмещении убытков. Однако расстаться с нею было свыше сил моих: раздобыл деньги и заплатил вторично. Граф потом писал мне, что неоднократно искал библию в своей библиотеке, спрашивал много раз управляющего, но библия как в воду канула.

И начал после покупки мною библии управляющий приносить книги ко мне на дом из бывшей графской библиотеки, и за это время мне удалось приобрести много ценного. В конце концов, с благословения графа я приобрел всю библиотеку вместе с архивом. Отобрал я себе книг триста и продал остальные за уплоченную мною сумму местному антиквару М. Антиквар отобрал для себя книг семьсот и продал остальные за ту же цену местному адвокату. И стоят редкие и ценные книги на полках у меня и у антиквара, и стоят остальные у Р. И купил я у того же управляющего много картин и миниатюр, которые почти ничего не стоили, и подарил графу в четырех сундуках архив его, тоже почти ничего не стоящий.

Дядя Тимм.

В начале зимы 1928 года пришла ко мне некая дама — немка. Извиняясь за беспокойство, спросила, не могу ли я оценить несколько рисунков, — у нее имеется покупатель. В папке я нашел 2 рисунка: оригинал известной литографии „Бал художников“ работы Тимма и Зауервейда, описанный в монографии Верещагина, и чудесную акварель Шарлемана: вид Эрмитажа с Зимним дворцом на заднем фоне. Моей оценкой г-жа Гр. осталась довольна. Рассказала мне, что дома имеется у нее целый ряд рисунков, особенно много Тиммовских. Оказалось, что дама эта была родной племянницей художника. Я пошел к ней и нашел у нее кол-

лекцию рисунков Тимма и сотрудников его по „Художественному Листку“: Шарлемана, Грутовскаго, Гагарина . . . Приобрел всю папку рисунков.

Г-жа Гр. рассказала мне, что после смерти вдовы художника все, не подаренное ею рижским музеям, было распределено между наследниками: часть коллекции, принадлежавшая ей, была приобретена мною; имевшиеся у нее комплекты „Художеств. Листка“ она уже продала. Я получил адреса ее сестер и, долго не раздумывая, с’ездил в Ригу. Вторая сестра, необычайно восторженная музыкантша и теософка, также охотно пошла навстречу моему любопытству. Вынула из шкафа пакетик и, чрезвычайно бережно развернув его, продемонстрировала письма Тимма. Священнодействием, сопровождавшим вскрытие писем, явно подчеркивалась их ценность. Кроме того, у нее оказалось еще 5 альбомов с эскизами художника. В одном из них — чрезвычайно интересные наброски кремлевских дворцов, уличные сценки и др. Душа коллекционера загорелась. Зашел вторично, намекнул о своем желании приобрести письма. Убеждал, что грех держать такую ценность у себя дома: у меня место хранения — более подходящее. Расспрашивал много о Тимме. Узнал, что еще до недавнего времени все литографские камни „Художественного Листка“ были в полной сохранности, рисунки только недавно были счищены с камней, а последние проданы. Весь архив редакции также сравнительно недавно был продан на бумагу. Одну только папку она сохранила и потом передала мне. А продажа писем зависела и от других родственников. У всех их побывал я, вторично приехав

в Ригу. Везде нашел произведения Тимма, особенно много его керамики, которой он увлекся, живя в Берлине. Работая больше 20 лет в этой области, он достиг большого мастерства. Эта область художественной деятельности Т. осталась России совершенно неизвестной. Третья из сестер, известная в Риге пианистка, считала письма Тимма своими и рассказала мне их романтическую историю. Она же по найденным письмам сестры Тимма, известной в свое время пианистки, издала в 1930 году небольшую книжку „Ученица Шопена — Рижанка“. Большую часть принадлежавших ей рисунков она успела продать одному антиквару, у которого я впоследствии кое-что приобрел, но многое было разобрано до меня. На Рождестве того же года ездил я в СССР. В Ленинграде у антиквара Губара получил адрес некоего библиофила Вл., интересовавшегося Тиммом и работавшего над его иллюстрированными изданиями. В Москве познакомился с ним, узнал, что он готовит и в январе прочтет доклад в Русском обществе Друзей Книги на тему „Новые материалы о Тимме“; материалами этими были: найденный им альбом и три с половиной письма Тимма к отцу, с иллюстрациями. Тогда рассказал я ему в свою очередь про свою находку. Знакомство с Вл., интерес, который возбудило мое сообщение о художественном наследии Тимма среди московских собирателей, еще более раздразнили мой аппетит и желание приобрести письма. Вернувшись домой, я дважды ездил в Ригу, пока, наконец, мне не удалось убедить наследников, что я действительно единственный человек, которому можно и должно доверить письма.

В марте месяце письма и альбомы перешли в мое владение. Летом 1929 года скончалась юрьевская племянница Тимма. Найденный при разборе ее вещей картон с рисунками и несколько керамик я приобрел тогда же. Летом 1930 года скончалась в Риге и вторая племянница Тимма. Я был вызван родственниками в Ригу осмотреть найденные после ее смерти вещи. На сей раз приобрел ряд эскизов маслом, пару тарелок и вазу работы Т. и больше ста акварелей его берлинского периода. Совсем недавно я приобрел еще альбом рисунков за 1832 год, когда будущему художнику было только 12 лет. В прошлом году в одном из эстонских журналов я напечатал биографию Тимма, богато иллюстрированную рисунками писем и других оригиналов моего собрания. Сейчас закончил отдельное издание его писем*) и этим увенчиваю Тиммовский период моей жизни. Да будет эта книга скромной благодарностью художнику за подаренные им мне два интересных года!

---

*) Briefe W. Timm's an seinen Vater 1841—1846. Eingeleitet und herausgegeben von Julius Genßs. XIV+170 S. 56 Abb. im Text und 6 Tafel.

Прогулки по библиотекам.

За последние двенадцать лет моей жизни в Юрьеве, мне пришлось ознакомиться со многими библиотеками. Часть их я пересмотрел за год пребывания в „Комиссии по охране предметов искусства“ в 1919 году, когда из оставленных владельцами имений библиотеки свозились нами в город. Другую часть — в поисках книги. Библиотеки эти больше не существуют, но каждая обогатила, как мои знания, так и мою библиотеку.

Судьба одной из этих библиотек послужила собственно причиной основания нашей комиссии. Я сидел в обществе друзей в кафе Вернер. Было это после захвата города красными. Кто-то прибежал к нам и сообщил, что солдаты развели костер в белом

зале имени Карлово, принадлежащего внуку известного писателя Фаддея Булгарина. Поддерживают они огонь книгами из библиотеки, принадлежавшей упомянутому писателю . . . Вспомнили, что и в другом конце города, в имении Ратсгоф, находится известная во всей Европе художественная коллекция и библиотека баронов Липгарт. Основанная нами тогда „Комиссия по охране предметов искусства“ и дала возможность сохранить в целости не только указанные собрания, но и массу ценностей и книг во всей Эстонии.

Булгаринская библиотека была нами свезена в пустовавшую тогда университетскую библиотеку и, впоследствии полностью приобретенная Университетом, расплылась, войдя в ее состав. Я все-таки успел заполучить из нее ряд ценных иллюстрированных изданий 19 в.: комплект „Ералаша“, альбомы карикатуристов и др. Булгаринская библиотека особенно ценными изданиями не отличалась, единственно интересное в ней — множество авторских экземпляров-подношений.

Совсем другой характер носила библиотека имени Ратсгоф. Состояла она из 30.000 томов, насчитывала много инкунабул, иллюстрированные французские издания 18 века прекрасной сохранности, в ценных переплетах; тысячи гравюр, рисунки старых мастеровъ, большое собрание снимков (коллекция искусствоведа Карла-Эдуарда Липгарта) 4 ящика были до оставления города Липгартами запрятаны в городе, — там оказались наиболее редкие издания. Этой библиотеки больше не существует. Весь художественный отдел, книги по искусству, более 10.000 фотографий и около тысячи гравюр

были подарены обществу художников „Паллас“, из членов которого и состояла главным образом наша комиссия. Впоследствии общество „Паллас“ продало лучшую часть собрания университетской библиотеке; эта часть Ратсгофской библиотеки, вместе с книгами, переданными Министерством Нар. Просв. (приобретены у Юргенсона), послужила основанием библиотеки по семинарию искусств при Университете. Там же хранятся альбомы карикатур Вакселя и его рисунки из собрания Юргенсона.

Большая часть Липгартовской библиотеки попала в наше университетское книгохранилище и расплылась в нем. Инкунабулы и ценные, редкие книги были увезены владельцем сперва в Данию, потом в Мюнхен, где барон обосновался. Чудесное четырехтомное издание французского архитектора Блонделя, лондонское издание Палладио и три тома Пиранини остались памятью об этой библиотеке у меня. Художественное собрание этого имения, как целое, также перестало существовать. Весною 1932 года остатки собрания были проданы в Мюнхене с аукциона в галлерее Гельбинг. Довольно крупная часть легла в основание Ратсгофского музея в Тарту, преобразившегося потом в Музей народн. искусства.

С этой коллекцией связано у меня следующее воспоминание. Летом 1919 года телефонирует нам как-то в комиссию поверенный Липгартов с сообщением, что солдаты, квартировавшие тогда во флигеле дворца, вытащили из пруда ящики с ценностями и хотят их взять себе. Слухи о том, что Липгарты перед отъездом погрузили в пруд ящик с золотом,

носились все время по городу, но этим слухам никто не верил. Немедленно с художниками Т. и М., ныне покойным, отправились мы туда наводить порядок. Застали следующую картину: мраморная медицейская Венера, копия работы Кановы, стояла на берегу, золотистая от лучей солнца, вся прозрачная от долгого лежания в воде. В нескольких шагах от нее какой-то солдат с остервенением тер соломой бронзовый бюст Марии Антуанеты, оригинал Гудона, причем одну щеку успел расчистить до золотого блеска, уничтожив чудесную патину. Недалеко на ящике стояли еще две скульптуры Гудона, — повторение эрмитажного Вольтера и мраморный бюст женщины. Тут же находился ящик, полный ампирной серебряной посуды. Когда мы заявили о своих правах, разъяренные солдаты хотели нас чуть ли не расстрелять на месте. За свой счет они выписали водолаза, достали понтонную лодку, работали пару недель, и вдруг их хотят лишить законной добычи! Когда приятелей моих повели через пустынные поля в казармы к начальству, а я остался заложником, нам троим пришлось пережить несколько мало приятных часов. Закончилось дело очень мирно, хотя и к неудовольствию солдат. Нам отдали все, пришлось лишь вознаградить их за работу и за понесенные расходы. Среди проданной у Гельбинга части Липгартовской коллекции оказались и Венера и мраморный бюст Гудона. Мария Антуанета украшает временно Мюнхенскую Пинакотеку, куда Липгарт ее депонировал.

Великолепной библиотекой было также собрание Самсон-Гиммельстиерна, насчитывавшее больше

17.000 томов. Все немецкие классики были представлены первыми изданиями, в чудесных переплетах. Ценнейший отдел по Балтике со многими рукописями перешел в университетскую библиотеку. Это собрание было продано в Лейпциге фирмой А. Брокгауз на трех аукционах, в ноябре 1923, мае 1924 и ноябре 1924 года, всего 4047 названий („Versteigerung einer baltischen Schlossbibliothek“). Мою библиотеку украшает из этого собрания великолепный экземпляр Лафатера, первого немецкого издания, полученный, как гонорар за составление каталога библиотеки.

Весною 1920 года, по объявлению в газете, я пошел осматривать книги куда-то на окраину. В дровяном сарае стояли ящики полные книг, причем там уже находился один покупатель. Увидев меня, он испуганно обнял сразу ящиков десять, заявив о своем праве просмотреть их до меня, так как он пришел раньше. Мне осталось обнять другие десять ящиков и в свою очередь защищаться от следующих покупателей. Пришлось спешить, нервничать, м. б. многое упустил. Все книги имели два книжных знака, один — графа Алекс. Бобринского, сына Екатерины II, другой — последующего владельца библиотеки, князя Гагарина, последнего собственника замка Оберпален. Про Бобринского рассказывали, что он был крайне некультурным человеком и большим пьяницей. Екатерина, желая отослать сына подальше от себя, женила его на балтийской баронессе и приобрела для их жительства старинный орденский замок. Там Б. настолько опустился, что раз в неделю баронесса посылала своих слуг искать его по всем

кабакам. Барина приводили домой, мыли, меняли белье и выпускали опять на свободу. В продолжение года в ящиках Бобринского рылись любители, после чего остаток был продан за бесценок одному антиквару. Два ящика однако, полные редких русских изданий 18 столетия, не продавались. Только благодаря моей выдержке, — неумоимо в продолжении 6 лет посещал я старика управляющего, не отвлекаясь присутствием двух его хорошеньких дочек, — удалось мне в конце концов приобрести это собрание почти за цену бумаги. Все книги были приобретены в свое время Бобринским; я нашел там много редкостей, иллюстрированных изданий, между прочим экземпляр Блонделя с инструкцией, не имеющейся в Публичной библиотеке. Из этого же собрания ко мне перешел ряд английских гравюр, семейные миниатюры работы Вейнгартнера, Клонделя...

Много волнений доставила мне библиотека баронов Нолькен, которую я купил целиком. Состояла она из 3000 томов, имела хорошо подобранные отделы немецких классиков в первых изданиях, отделы французский, английский, античный. Отобрал себе целый ряд книг, между ними хорошую „Россику“ и знаменитое описание Швеции „*Suæcia hodierna et moderna*“, я продал всю библиотеку берлинскому антиквариату „*Utopia*“ за уплоченную мною цену, оставив покупателю в качестве приманки экземпляр Лафонтена, издание откупщиков 1762 года, благо в моей библиотеке такой экземпляр уже имелся.

Интересную находку сделал я случайно в Бер-

лине, где в одном подвале несуществующего теперь книжного магазина Эдм. Мейера нашел библиотеку известного искусствоведа и писателя по искусству Добберта, редактора немецкой газеты в Петербурге. Добберт много лет работал над составлением словаря русских художников, и потому его книги особо ценны благодаря многим заметкам на полях, поправкам и т. д. Здесь я обогатился полным комплектом „Вестника Изящных Искусств“ и книгами по искусству, среди которых находилось много оттисков.

Если закладке фундамента библиографического отдела моей библиотеки послужило знакомство с Э. Юргенсоном, то основанием увлечения моего этим отделом была дружба с Удо Иваском и Ю. Вейцманом, берлинским антикваром и библиофилом. Иваск, известный в России собиратель и исследователь русского книжного знака, издавший капитальный труд по экслибрисам, оставив свою библиотеку в России, привез однако в Эстонию книги и рукописи по библиографии, а также дубликаты книжных знаков. После его преждевременной смерти, книги были приобретены университетской библиотекой, куда поступили впоследствии и его рукописи; собрание книжных знаков попало к одному ревельскому антиквару. Большинство же дубликатов из его собрания библиографических книг, не взятых университетской библиотекой, поступили в мое собрание. Удачное начало и соревнование с Вейцманом, составившим для своего отдела библиографии отличный каталог, побудили меня заняться пополнением этого отдела, и сейчас почти все, что издано по русской библиофильской библиографии, имеется в моей библиотеке. Особенно обогащен этот

отдел рижским антикварным магазином Кюммеля, который в середине прошлого столетия приобрел полностью знаменитый и богатейший склад Смирдинского антиквариата. Смирдинская роспись книг до сих пор является одним из главных пособий по библиографии. После появления в 1887—1890 годах ряда каталогов Кюммеля, посвященных складу Смирдина, книги эти лежали без движения: десятки лет никто не интересовался их продажей. Было не легко попасть в верхние этажи, где находился антикварный отдел. Только небольшая часть стотысячного склада была приведена в порядок, и то книги редкие были собраны в отдельную комнату и, из боязни продешевить, не продавались. Издания, известные как крайне редкие, годами не встречавшиеся в каталогах, имелись там чуть ли не в дюжинах экземпляров. В продолжение двух лет я периодически посещал Кюммеля, каждый раз унося с собой несколько редкостей. Сотни старых антикварных каталогов удалось мне заполучить лишь после продолжавшихся более года уговоров; я приобрел на вес бумаги разные каталоги, между ними полный комплект каталогов Ключкова. Только в последний раз, когда склад целиком стал предлагаться в продажу, я был неприятно поражен, когда продавец, приняв для оценки отобранные мною книги, взял в руки Губерти, Геннади и другие справочники, описывающие редкие издания, и стал назначать соответственные цены. Это было мое последнее посещение Кюммеля. Через некоторое время весь склад был куплен крупным книжным делом в Риге. Правда, до него много библиографически ценных изданий были при посещении Риги

отобраны моим берлинским другом: одни поступили в его собственную библиотеку, другие, попавшие в каталоги „Россика“, перешли в Дягилевское собрание.

Для Кюммелевского же склада были сняты около набережной огромные помещения, но там было немислимо что-нибудь приобрести, а тем более рыться в книгах, так как продавцы довольно энергично выпроваживали мешавших им покупателей.

Многое по библиографии дала ликвидация библиотеки И. Змигродского. До революции это был очень богатый человек, ярый театрал, выстроивший собственный театр, известный под его именем и теперь. Он также всю жизнь собирал книги; с особой любовью — издания, посвященные театру, и из 7000 томов его библиотеки 3000 были по театральным вопросам. Из всех осмотренных мною, библиотека эта была самая благоустроенная, имела, как алфавитный, так и предметный каталоги, карточную систему. Потеряв после войны свои недвижимости, И. Змигродский был вынужден продавать и книги, но продавал неумело, многое сильно подешевив. Первым его посетителем оказался антиквар М., который отобрал много моих „дезидерата“. Из этой, как и из другой библиотеки, много книг попало к антиквару Ю. В-ну. Эта вторая, также интересная библиотека, принадлежала известному в России писателю по вопросам педагогики и фольклора А. Воскресенскому. Она долгое время лежала на чердаке; содержала массу книг по фольклору и русской литературе. В нескольких ящиках находился рукописный материал: сочинения Воскресенского, записи русских песен, поговорок и сказок, сделанные

на местах его учениками; все это большею частью было использовано В. для своих трудов. Рукописный материал я приобрел по просьбе берлинского приятеля и, не проверив аккуратно содержимого, отослал в Берлин. Прошло некоторое время. Получаю очередной каталог его антиквариата и нахожу в каталоге, среди предложений: собрание русских картинок-лубков, с указанием, что они из коллекции известного собирателя фольклора и писателя В. . . В обморок от своего упущения я не упал, открыткой извинился за преступную небрежность, которую допустил, как коллекционер, не взяв их себе, и попросил немедленно отослать лубки мне. Очевидно друзья еще не перевелись: через неделю собрание было моим.

Своего покупателя ждала еще одна библиотека. В свое время она сильно меня заинтересовала. Я узнал случайно про одно собрание, хранящееся где-то за Тапсом. Оно привлекло мое внимание из-за книжных знаков, украшавших книги: Калиш — 1824 — А. I. По всем вероятностям библиотека эта находилась в одном из охотничьих замков Александра I-го, и была после смерти его вел. кн. Константином, польским наместником, подарена своему ад'ютанту генералу В., чей книжный знак также имеется на книгах. Потомки В. живут в Тарту. По моему настоянию библиотека, около 1000 томов, была привезена в город, но она оказалась неинтересной с библиофильской точки зрения и пострадавшей при отходе русских войск. Это была характерная помещичья библиотека начала 19 века, купленная оптом во Франции.

Судил я об этом собрании исключительно по

каталогу. Летом сего года низкая цена, запрошенная за библиотеку, еще раз привела меня к ней. Просмотрел ее внимательнее. Манили чудесные полукожаные переплеты и, когда, наконец, бросилась в глаза, раньше незамеченная, метка на корешках: „Simier Rel. du Roi“, собрание стало моим. Около 400 томов, главным образом иллюстрированных, украшают мою библиотеку. Около 100 томов передал универс. библиотеке. Остаток, надеюсь, осчастливит еще кого-нибудь.

Из интересных собраний следует вспомнить и небольшую библиотеку М. Столярова. Она состояла из нескольких сот томов по русской литературе, мемуаров и т. д. Все книги имели массу пометок, примечаний, поправок и дополнений, которые помогли антиквару В., их приобретшему, быстро распродать эти книги. Ликвидированные два ящика книг проф. Петухова были интересны автографами и полным комплектом изданий Щукинского музея, выходивших не для продажи в количестве 200 экземпляров. К сожалению, я опоздал, и они попали к Hiersemann'у.

Последним моим приобретением был архив д-ра Зейдлица. Известный в прошлом столетии врач г. Дерпта был другом, советником и опекуном всего местного окружения знаменитого писателя В. Жуковского. Первая биография поэта была написана Зейдлицем же. Его архив послужил также материалом для составления другой, посвященной Жуковскому книги, а именно Уткинского сборника. Наткнулся я на архив случайно, приглашенный осмотреть книги. При осмотре заметил фамилию Зейдлица, как владельца книги. Вначале мне от-

вечали крайне скупно, потом разговорились; хозяйка оказалась одной из наследниц З.; из выкинутой на средину пола горы бумаг она выбрала несколько пакетиков, которые и оказались архивом по биографии Жуковского. Хотя архив и не имеет прямого отношения к моим собирательским интересам, но письма теперь скорее найдут свое надлежащее место.

Карл Маркс.

У каждого собирателя найдется много интересных воспоминаний. Почти каждый приобретенный им предмет имеет свою историю; ведь коллекционер и покупает иначе, чем обыкновенный смертный. Иметь много долларов и закупить в один прием целый музей легко. Но тогда отсутствуют все радости и волнения, сопряженные с собирательством. Даже ночи, проведенные без сна перед крупным приобретением, сторицей вознаграждаются тем приподнятым праздничным настроением, когда, наконец, держишь в руках хотя бы письма Тимма. Коллекционер всегда как бы на охоте, его глаза всегда настороже. Если глаз подметил что-нибудь, захватившее внимание, чем бы хотелось овладеть, — мысль об этом постоянно должна преследовать собирателя. Чем бы он ни был занят, одна часть головной деятельности должна постоянно долбить: „не забывай“. Важны не деньги, но упорство и

настойчивость в достижении поставленной себе цели. Тем больше радость и торжество, когда иной раз, спустя годы, достигаешь цели. Меня всегда привлекали предметы искусства примитивных народов. Увидел я как-то в одном из музеев чудесного идола из зуба мамонта. Казалось бы: любуйся почаще и наслаждайся. Но заполонил меня этот идол, во сне стал его видеть, и в конце концов заполучил его, хотя и трудно было. С музеями мы, коллекционеры, не особенно любим возиться: требуются заседания, а заседаний мы не любим. Другой случай. Начал я несколько лет тому назад собирать „нетцкэ“. Это особого рода японские пуговицы, которые прикрепляются шнурком, продетым через две дырочки, к кушаку и предназначаются для необходимых в жизни мелочей, как ключи, трубка, кисет и т. п., привешиваемых к кушаку. Нетцкэ представляют собою маленькие скульптурные произведения, над которыми часто знаменитые мастера сидят месяцами. Вспомнил как-то раз, что видел в ревельском музее целую коллекцию таких пуговиц. И засела в голову мысль раздобыть несколько штук, тем более, что эти нетцкэ были привезены известным русским путешественником Крузенштерном из своего кругосветного путешествия в начале 19 века, когда специально для экспорта в Европу их еще не выработывали. Несколько раз ходил в музей, облюбовал несколько штук... и получил. Правда, переговоры тянулись почти два года. Очень хотелось.

В заключение — еще маленькая история. Реконструкция моя. Баронское поместье. В гостиной на диване красного дерева, в стиле бидермейер,

сидит баронесса и вышивает сто-первую подушку. Предки одобрительно глядят из рам миниатюр. Вдруг война. Потом революция. Потом революция в революции — красная. Запуганная сидела баронесса. По-прежнему из рамок глядели предки, довольно буржуазного характера, но глядели неодобрительно. Баронесса задумалась. Съездила срочно в город и купила открытку с портретом Карла Маркса : недавно самое большое пугало, а теперь вся надежда. Повернула она одного из предков лицом к спинке рамы, и закрасовался в раме черного дерева над диваном Карл Маркс. Время шло, гроза прошла ; не было больше баронессы, исчез диван, опустела стена. Валялся Маркс в пыли. Наступил момент, и должен был великий Маркс занять место среди всякого хлама, битой посуды и т. д. Великий Карл вернулся к народу. Чудесная рамочка улыбнулась мне. Повернул я Маркса лицом к спинке рамы, глядит теперь на меня буржуазный предок, (работы Carl Vernet) опять над диваном красного дерева ; глядит одобрительно.

Faint, illegible text visible through the paper, likely bleed-through from the reverse side. The text is arranged in several lines and appears to be a formal document or report.

